

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ*

АЛЬТЕРНАТИВЫ И ПРОТИВОАЛЬТЕРНАТИВЫ В ДЕЙСТВИИ И В ИСТОРИИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-13-162.

УВЕДОМЛЕНИЕ: ПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОРОМ КАК ПРИБОРОМ

«Слабые» — очерки о совместном опыте осмысления истории. И об интереснейшем, то есть индивидуальном, но различимом и понятном собеседнику опыте политического действия.

С начала девяностых я подолгу говорил с Михаилом Гефтером об исторических координатах России в мире, рождавшемся на глазах. Беседы синхронизировали наш опыт. Говорили то каждый день, то по несколько дней подряд. Гефтер жил в Ватутинках, где я снял дом, постоянно, а я наездами. Но дом никогда не пустовал. К старому солдату приезжали ученики, коллеги, журналисты и целые съемочные группы. Его бытовая жизнь вошла в ровное русло, отвечающее его заслугам, возрасту и желаниям. Он полюбил это место, иногда путешествовал, но редко выезжал в Москву.

...Меня этот дом располагает к тому, чтобы просмотреть книги, общаться, разговаривать. Может быть, из наших разговоров что-то вытанцовывается. Москва — это просто захлопнутый мир. Да, что-то должно вытанцеваться, мне кажется¹.

Говорили и отчасти даже думали мы вместе. Но действовали порознь и в разных средах. В 1993 году член Президентского совета Гефтер пишет письма Ельцину. Содержание их он обсуждал со мной, тогда ярким антиельцинистом. С Ельциным Гефтера сблизило разочарование в лидерстве Горбачева (ему он тоже писал письма). 4 октября 1993-го

*Павловский Глеб Олегович, директор Русского института (Москва), g1eb@russ.ru.

**© Павловский, Г. О. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Данная статья является 1-й главой в готовящейся в данный момент к изданию книги Г. О. Павловского «Слабые». Редакция выражает Г. О. Павловскому глубокую признательность за возможность опубликовать этот фрагмент.

¹Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером. — Архив автора, 1993.

переписка историка с Кремлем прервалась. Но разочарование в Ельцине не могло остаться лишь огорчением, то было разочарование во всей российской «революции сверху».

В свои последние годы Гефтер чуть ли не с чистого листа создавал новую антропологию и социальную теорию, которые вместили бы опыт русских поражений. В его мыслях поселился лубянский арестант Николай Бухарин, пишущий письма Сталину из камеры, прослушиваемой Ежовым. Историк задался вопросом: как все проигравший человек, слабый и сознающий слабость, мог влиять на историю? Развились идеи Гефтера о Homo sapiens как онтологически слабом существе — *Человеке Слабом*, способном воспротивиться силе вещей. Гефтер бичевал государственность девяностых как «социум власти». Он требовал развернуть политику к «человеку очередей». Создать государство для него значило признать Россию непредставленных — людей, стран, цивилизаций в границах РФ.

Текущая российская политика бесплодна — вся в тупиках, вся в ссадинах, потому что мы не вмещаем в нее «куда?». Об этом нам заявляет человек очереди — коренной человек современной России. Это он нам заявляет, что России у нас не получается. Мы не хотим прислушаться к его идиомам, к его мату? Если нет, если это непереводимо на текущие политические диалекты — нам не поможет никто в мире².

Уличая в бесплодности Кремль, Ельцина и интеллигенцию, историк обострял во мне желание преодолеть слабость России силой — раз навсегда! Антиномия «беспомощность–сила» грызла меня, пока не обернулась проектом *эффективной политики*. Но довооружая слабых правителей, я дурно понял Гефтера. Или понял его, наоборот, слишком хорошо? Внутри альтернативы, под которой Гефтер понимал пучок потенциально множественных развилок процесса (иную *сборку* истории, скажут сегодня), я нащупал *противоальтернативу*: чистую негативность власти, ее мерзейшую мощь. Блокаду места, где (не исключая) могла прорасти, но уже не прорастет альтернатива.

Уйдя от власти, годами стараюсь вернуть голос самому Гефтеру. Издал четыре книги разговоров с ним, и архив записей не исчерпан. Есть фрагменты, которыми трудно было распорядиться по своей воле. Но я должен наконец подвести черту, разъяснив, как понимал Гефтера тогда и что понимаю ныне. Здесь я себя тогдашнего применил как

² Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

«прибор», уловивший нечто *в спектре его идей*. Не думаю, что способен понять Гефтера, тем более научно представить картину его мира. Это невероятно сложный мир. Когда-то он будет понят иначе и глубже, чем понимал его я. Не в силах пройти весь путь в этом направлении, я предлагаю пройти мою милю — что в Гефтере я опознал тогда и что, бывшее для историка лишь версией, стало соблазном мне. Но я хотел испытать соблазн и почти не жалею, что так вышло. Сегодня видней, где, отталкиваясь от Гефтера, я злоупотребил его подсказками. Тем не менее моя история — одна из его идейных «варьяций».

Гефтер говорил о молодых сподвижниках Ленина, что, в отличие от «Старика», те росли на брошюрках адаптированного марксизма. Но отсюда не следует, что они не его ученики. Так я рос, адаптируя Гефтера, — то верный ему, то неверный. Готов я оценить, как и куда попал и двинулся дальше? Судить читателю. Знаю лишь, что не вправе скрывать маршрут, пройденный нами с Гефтером вместе и врозь.

ДЕШИФРУЯ ПРЕДСКАЗАННОЕ. ПРОРОЧЕСТВА?

Четверть века тому Гефтер опознал проблематику *сегодняшней* жизни, ее опасный ландшафт. Предлагая стратегию выхода России из холодной войны, историк предсказал острейший ее рецидив, как и то, что «России у нас не получится». Начну с некоторых пунктов предсказанного и затем перейду к вопросу о мышлении Гефтера. В чем содержание его пророчеств? Каковы те и о чем?

Мир, который едва начал выходить из холодной войны и еще не вышел, — это не Мир³,

который покончил с ней всей. Несколько поколений выросли в условиях, когда существование Земли зависело от соотношения ядерных величин двух супердержав. И если одна из сверхдержав... не может ею быть в прежнем масштабе, с той энергией, то что же остальному Миру... жить захлопнутым в однополюсный мир, управляемый США? Тут возникает проблема поиска новой роли России в Море, уходящем, но не ушедшем от холодной войны⁴.

Гефтер предвидел, что в «пространстве отсутствия» СССР Соединенные Штаты сформируют «дирекцию Мира» и потерпят неудачу. Кризис

³Рассуждая о мире в планетарном аспекте, Гефтер пишет слово с заглавной буквы: Мир.

⁴Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 11.1993. — Архив автора, 1993.

биполярного мира означал для него, что «убийство высвободилось. Суверенный убийца шагает по планете»⁵. Люди приобщаются «к зрелищу, где убийство играло роль режиссера»⁶. Вскользь брошенная, мысль сбылась в мегатерроре Бен Ладена, Шамиля Басаева и посткрымском телевидении РФ.

Гефтер предсказал, что Россия, не реконституированная на договорных основаниях, неминуемо скользнет в состояние унитарности, гибельное для русского мира и всех людей в мире. Отказавшийся от глобальной дэскалации, Кремль развернет политику к возвратным вариантам холодной войны. Распознал он это еще в начале девяностых: «Здесь научатся управлять своей неуправляемостью, а Запад станет опять нас сдерживать»⁷.

Гефтер предвидел, что худшая волна беженцев двинется в Европу с Юга (а не с постсоветского Востока на Запад, чего тогда сильно боялись).

«Как легко сегодня человек может быть сметен обстоятельствами, психически и физически сметен. Этот Юг, освобожденные молодые миллиарды смести могут все!»⁸

Гефтер твердил, что строить рынок из Кремля — проект безумцев: рынок был всегда — его признают, а не «строят». Рыночные отношения свойственны роду людей тысячи лет. Их не ввести указами президента — фигуры, о которой неясно, чего именно она «президент». Угрозу реформам он видит в их породнении с «социумом власти» — типом русской государственности, где нет дистанции между государством и обществом, а монополия власти унифицирует земли местообитания людей.

Гефтер предсказал, что «революция сверху» сработает на приватизацию верховной власти и на тоталитарный крен новой государственности. В зените демократических мечтаний он показал, как ставка на лидерство «революционера сверху» неминуемо перейдет в тоталитарные импровизации. Классический тоталитаризм не вернется, но тоталитарность в РФ, идущей путем эскалаций, возобновится.

⁵ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет : русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. — М. : Европа, 2015.

⁶ Гефтер М. Я. Из записей к «Апологии Человека Слабого», 1994, май–август. — Архив автора, 1994.

⁷ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет : русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. — М. : Европа, 2015. С. 326.

⁸ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером. — Архив автора, б. д.

Выражаясь в терминах, введенных товарищем Сталиным, у нас «революция сверху». [...]Эта персонифицированная «революция сверху», если держаться этого названия [...] не может не тяготеть к тому же, что было имманентно сталинской тоталитарности, выросшей из экстремальных ситуаций. Укреплявшей себя экстремальными ситуациями. Выучившейся создавать экстремальные ситуации ради своего самопродолжения, самовозвеличения, самоувековечивания...⁹

Гефтер предсказал мобилизацию «*доверчивой массы*» Кремлем и ее превращение в аудиторную опору управляемых выборов.

Гефтер предсказал, что на таком пути Россия, независимо от демократических заимствований, сама упадет в руки единого лидера. Для этого не потребуется громоздкий партаппарат. «Заместительная узурпация» вытеснит все проблемы страны мифом одной персоны. Лидер становится роковой силой, даже не будучи кровожадным злодеем, Гитлером или Сталиным. Трон ему подготовлен политикой безальтернативности. Персонализация российского «социума власти» равна его закрытости. Закрытая Система «отстреливается» яркими фигурами, непредсказуемыми в действиях, — и страна обсуждает «планы президента», а не свои внутренние дела. Гадания о намерениях «тефлонового лидера» с годами перетекают в проклятья — о, когда он уйдет, постылый! (Люди обожают толковать о тиранах:¹⁰ и их преемниках.)

«Власть персонифицирована постольку, поскольку закрыта»¹¹.

Здесь далеко не все предвиденные Гефтером очертания будущего России. Но мало ли, кто как пророчествовал? И у других были прозрения. Предлагает ли Гефтер теоретически достаточную позицию, чтоб мы действовали на ее основании?

Попробую проследить ход его мысли, сделав ее понятней сегодняшнему читателю. Но нужна оговорка: Гефтер — человек своей эпохи и своих предрассудков. Он не говорит нашим языком и наотрез отказался бы им говорить, он презирал речевое поведение современников. Образ ми-

⁹Запись разговора с М. Гефтером, приложение 13.

¹⁰Это простительно, хотя часто тиран уникален и «вытекает» из самого себя. Разговоры о наследниках Сталина в СССР начались раньше появления одноименного стихотворения Евтушенко (в газете ЦК КПСС «Правда» 21 октября 1962 года). Но прямых наследств не бывает, а вот парадоксальных, гибридных, как любят теперь говорить, — сколько угодно.

¹¹*Гефтер М. Я.* Третьего тысячелетия не будет : русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. — М. : Европа, 2015. С. 330.

ровых проблем, рисуемый им, отвечает пословице «Ум человеческий не пророк, а угадчик».

ГРАЖДАНСТВО — ЧЕРЕМУШКИ?

В интеллектуальных летописях новой России Гефтер остался чем-то «вообще приятным». Он не настаивал, чтоб его взгляды определяли, и публика приняла эту игру в молчанку о себе. Неопределенный Гефтер, Гефтер непоименованный, стал с годами несуществующим Гефтером. Такого положения быстро не поменять. Само отсутствие конфликта вокруг его идей означало их пропажу из истории русской мысли¹². Любые наименования, небрежно относимые к Гефтеру, вроде верны и тем самым излишни: Гефтер — бывший марксист. Гефтер — организатор исторической науки; редактор «Всемирной истории», глава Сектора методологии в Институте истории АН СССР (этот Институт разделили и уничтожили, только чтобы разогнать Сектор). Гефтер — интеллектуал перестройки. Гефтер — историк, впрочем, оставивший маловато текстов собственно исторических. Гефтер — диссидент, участник последних крупных проектов в самиздате: Свободного московского журнала «Поиски» и Исторических сборников «Память...». Но где теперь диссидентство в российской памяти?

Его статусы вытеснили предмет его мысли — не много ль ролей для фигуры мирового класса? Остается впечатление суетного шестидесятника, который всюду поучаствовал, немногое оставив в наследство.

Выдворенный из АН СССР, Гефтер превратил свой путь от бойца Красной армии до марксиста-еретика в метод мышления. Стратегия аболиционизма ясно ощутима в основе его трактовок русской истории. Он не притязал на верность традициям, кроме биографически проверенных, а на упрек следователя в непатриотизме отвечал: «Я гражданин Черемушек!» Примем же этот вызов за самоопределение.

МЕТОДОЛОГИЯ ЕСТЬ ПОСТУПОК?

Место Гефтера в интеллектуальном пейзаже шестидесятых сложно оценить. Во-первых, тогдашний ландшафт слишком разнообразен, что сегодня трудно представить. Во-вторых, точки разрыва и красные черты эпохи стерлись от времени. Издали кажется, будто в СССР обитали лишь две интеллектуальные когорты: плохие марксисты и редкие

¹²Составитель книжной серии «Философия России» искренне изумился предложению издать Михаила Гефтера в этой серии.

истинные философы - разумеется, антимарксисты. Гефтер особняком и тут. Неучастник волны «советских кантианцев», откуда выйдут Мераб Мамардашвили, Юрий Давыдов, Михаил Петров, Арон Гуревич, он не собрат и гегельянцам-утопистам, ярчайший из которых Эвальд Ильенков. Для обоих станов Гефтер слишком серьезен в отношении к личному действию, к проблеме человека в истории и событийности как веществу исторического.

«Кантианцы» видели в истории парад культурных ценностей, как Гуревич, и полагали этику фундаментом социальной теории, как Юрий Давыдов. Действия, адресованные порядку ценностей, считались самоценными — историческая каузальность их не затрагивала. Мамардашвили противопоставлял моральный поступок историческому действию: первый (изолированно в себе) адресовал моральному закону, второе — окказионально, случайно. Исторический мир в этом проекте — мир долгих, хаотично спонтанных процессов. Средневековье Гуревича с добавлением народной культуры по Бахтину — живописнейший гомеостаз. В нем нет агонистики, и истории нет — ни в Марксовом, ни в Гефтеровом понимании.

Но и неогегельянцы толка Ильенкова к действию относились без энтузиазма. «Действие столь же чуждо логике, как любовь», — строго выговаривал мне Владимир Библер, философ и боевой товарищ Гефтера. Эвальд Ильенков перенес антагонизмы с уровня личного выбора на сцену борьбы «великих исторических сил». Рассуждая о перспективах человечества в целом, он отверг весомость частной инициативы здесь и теперь. Действуют великие силы истории — пролетариат, прогрессивное человечество, советская власть, — и нечего им мешать субъективным выбором. Крот истории, вернее ее каток, справится сам¹³.

Истоки антропологии Гефтера, вероятно, уходят в идеи Бориса Поршнева о некоторой базальной форме антагонизма, расколовшей гоминидов, прежде чем те стали людьми — отсюда инстинкт каинита-убийцы и тяга Homo sapiens к суггестивным манипуляциям.

Сперва — выломанность человека из эволюции. Превращение, по правилам эволюционных игр, обреченности вида в его преимущество, сделало человека планетарным существом, соподчиняющим среду обитания¹⁴.

¹³Исключением среди младогегельянцев был Генрих Степанович Батицев с его активистским принципом «деятельностной сущности человека». Друг Гефтера, он меня с ним и свел.

¹⁴Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером. — Архив автора, б. д.

Характерно гефтеровский вопрос: отчего перволюди, едва овладев речью как орудием нападения и защиты, кинулись прочь друг от друга, расселяясь по планете до дальних ее неудобий? «*Что их знало туда? Что их знало?*» — вопрошает Гефтер. Оказывается, люди не могут жить вместе, но должны. Человек — прирожденный убийца, и, уживаясь с такими же «каинитами», он вынуждаем стать *Homo historicus*. Появляется место индивидуальному выбору, слову и действию.

Первосущество, обреченное с эволюционных позиций, свою обреченность претворило в существование собственно человеческое. Главным атрибутом которого является *слово*, речь¹⁵.

Принципиальная установка Гефтера: история — праксис, а не прогресс. Этот праксис состоит из индивидуально выбранных действий, не столько из побед, сколько из поражений, ошибок, падений. Не абстрактные «силы прогресса породили» декабризм как великий русский эталон и общественную силу. Декабризм — плод двух оглушительных поражений. Первого на Сенатской площади 14 декабря 1825-го и второго, худшего — раскаяний и личных падений на следствии: так и ересь Меноккио произведена была не «дискурсом», а допросами его в инквизиции. Мужество в сибирской каторге и перед казнью не сразу и не вполне искупало слабость. Свидетельствование, акт говорения («*речевого поведения*»), сказал бы Гефтер), есть само историческое действие.

Начиная с шестидесятых ересь историка исподволь меняла методологию советской исторической науки. Он сдвинул фокус исследований с «сил» и «процессов» на действующих лиц — слабых носителей альтернативы: «*неутопических утопистов*», «*событийных людей*». История в целом тоже Событие, имеющее начало и конец. История однократна. Гефтер напрочь отменяет «постепенное развитие» — ложного друга историков и политологов со времен Кондорсе.

С момента, как открыт Большой взрыв, выяснилось, что нет никакого «постепенного развития во времени». Вселенная явилась сразу, и говорить о ее развитии бессодержательно. Земное существование в рамках одноактной Вселенной не может быть безграничным¹⁶.

¹⁵ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, октябрь–ноябрь. — Архив автора, 1993.

¹⁶ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, начало 1993 г. — Архив автора, 1993.

То, о чем мы сейчас говорим, уже не история, это уже другая тема. История, кроме прочего, требует ресурса пространства и времени: оба ресурса исчерпаны. Ресурс пространства исчерпан явно — все втиснуто в глобальную колею, ею повязаны. История не может прийти на новую территорию, избрав ее своим поприщем¹⁷.

В эпистемологии Гефтера познание есть поступок. Оно также действие. Его не изолировать от последствий, относя к миру «вечных ценностей культуры», не запереть внутри прогресса с «отражением» его по Энгельсу. История состоит из действий и падений, но и познание из них же. Нет онтологического разрыва между действиями героев историка и действиями самого историка: он один из них. Диссидентскому императиву влияния слова на власть Гефтер останется верен до конца. Это не амбиция. Это логическое следование его видению научного знания как поступка.

ПОЛИТИКА ЧАСТНОГО ЛИЦА?

В послевоенной жизни Гефтера, при всех переменах языка и тематики, видны взломы биографической перспективы. Первый в начале семидесятых: Гефтер уходит с прочно выстроенной академической позиции. Громят Сектор методологии Института истории — его детище; интеллектуальное средоточие Москвы шестидесятых. Но в убежища параллельной культуры он не скрылся, отклонив формат семинарских «квартирников». Он полностью отпадает от академической карьеры. Академический историк капитализма в России, европейский известный марксист, на мнения которого ориентировались иные чины в аппарате ЦК, — все отброшено. Где-то здесь начинается превращение Гефтера в невидимку. Окруженный мыслящей молодежью, он уходит в рейд по тылам эпохи. Редактор «Всемирной истории» и «Истории КПСС» стал просто влиятельным частным лицом.

Гефтер близко сходится с диссидентами. Участвует в создании Свободного московского журнала «Поиски» (в самиздате), переносит обыски КГБ. В 1975-м оформляет военную инвалидность, в 1982-м выходит из КПСС.

Второй перелом в его жизни ожидаемо совпал с «гласностью», но только хронологически. При Горбачеве Гефтеру вернули законное право

¹⁷ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, начало 1993 г. — Архив автора, 1993.

печататься и выступать. Но на сцене перестройки явился кто-то другой, а не сошедший со сцены когда-то. Корпорация бывших идеологов с повышением вернулась в прежние кабинеты. Формально Гефтер в их числе — фактически нет. Реабилитированный по списку, Гефтер отклонил дарованный властью статус¹⁸ и издевается над шестидесятниками — «будильниками, которых остановили, а через 20 лет завели, и они трезвонят». Он и пальцем не пошевелил, чтобы вернуть себе отнятое место в Академии. Историк вышел на сцену с опытом сопротивления всей стране — это особый опыт, к нему не готова.

Что отличает его от других, например от Мамардашвили? Ведь и Мераб не впустую провел годы реакции. Уйдя от Маркса и осваивая язык философии XX века, он отселился в западную традицию мысли. Плодотворную технику мыследействия разработал Георгий Щедровицкий в убежищах технического дизайна. Теологию христианского выхода из марксизма наметил Генрих Батищев в «Тезисах не к Фейербаху» (я горд, что их первый вариант посвящен «Оле-и-Глебу»). Ничего подобного у Гефтера нет: иначе прожив годы, названные «эпохой застоя», он резко отвергает сам термин.

Вот мы говорим «период застоя». Что такое «период застоя»? ... Во времена Карибского кризиса соотношение ядерных запасов между СССР и США был 1 к 16 или 1 к 17. В конце «застоя» мы уравнились... стали милитаристской державой, то есть у нас появился новый каркас... Вторым моментом этого «застоя»: у нас впервые появилось достаточно твердое общественное противостояние, мы впервые увидели людей, каждый из которых на свой лад говорил «нет»... И третий момент «застоя»... мы с невероятной быстротой стали превращаться в общество потребления¹⁹.

Не странно ль, что, отстаивая честь семидесятых, Гефтер соединяет несоединимое — гражданское сопротивление, общество потребления и советский «ядерный каркас»? Речь хозяина эпох, прежней и новой, связанных в историке нераздельно. Он государственный и он еретик, непримиримый к власти. Он избегает полемики с грандами гласности — партийными либералами, перезаписавшимися в антикоммунисты,

¹⁸Скрытый компонент политики гласности: она началась внутрипартийной реабилитацией группы членов КПСС, отвергнутых двадцатью годами раньше как «ревизионисты» и «фракционеры». Их реванш намеренно поощряют высшие партийные власти, не собираясь идти дальше. Горбачевское политбюро не ждет, что вернувшиеся принесут нечто иное, чем то, с чем сошли со сцены в конце шестидесятых.

¹⁹Караулов А. «...Пусть жестокий, но компромисс...» (диалог с Михаилом Гефтером) / Вокруг Кремля. — 1993. — URL: <http://gefter.ru/archive/4833> (дата обр. 25 июня 2020)

но с Андреем Сахаровым задумывает и учреждает клуб «Московская трибуна».

Однако прямо пойти в политику Гефтер отказался. Удобная ему форма действия — его теневая роль в беловежской денонсации Союзного договора (это он растолковал идею Геннадия Бурбулису и ближнему кругу Ельцина). От прямого вмешательства в политику Гефтер уходил, гуляя по тенистым черемушкинским холмам с Сахаровым, Черняевым, Яковлевым, Афанасьевым и тихо беседуя в тени. Но модель теневого влияния истощилась. Смерть Сахарова, устранение Горбачева и СССР перевернули сцену и вознесли новую номенклатуру из перебежчиков с их интеллектуальной обслугой.

РУССКИЙ ДЕ МЕСТР?

Трудность понимания текстов-поступков Гефтера (и помеха восприятию его мыслей) — то, что любое высказывание мы относим к «мнениям». Михаил Гефтер исходит из нравственной императивности суждений: философские высказывания для него суть поступки. Они влекут ответственность, и их нельзя взять назад. Человек вправе менять мнения, но это сдвиг в составе личности, в конфликте с его речевым поведением.

Слово «свобода» надо бы писать так: *не-несвобода*. Вот сравнительно точное имя тому, о чем мы говорим. Если нет чувства досады, ужаса, страдания — огромный диапазон оттенков! Если нет проживания человеком своей несвободы, то откуда взяться свободе? Пусть мне объяснят — откуда?!²⁰

Гефтер отказался обменять опыт инакомыслия в виду Лубянки на даруемую свыше свободу. Он требовал отрефлексировать и недавнее бессилие интеллектуалов — ушло ль оно навсегда? Обдумать силу бессильных, когда диссиденты Востока утвердили связь суверенного выбора, справедливого поступка и диалога с властью — той, которой они противостояли. Из-за опасения оскорбить прошлое, тексты Гефтера смотрятся теперь патетично. Это язык, не жертвующий «новым прекрасным временам» ничем из всего, чем жил. Гефтер и сам над своей манерой посмеивается.

Так у меня устроена голова: когда я формулирую какой-нибудь личный поступок (скажем, отказываюсь в КГБ давать показания — будучи негероической личностью, а не потому, что есть нравственный императив), то и сюда ввязываются мои представления о сущем Мира²¹.

²⁰ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

²¹ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

На письме и в публикациях²² Гефтера ощутима тайна, мучительная стилистически. По страстной парадоксальности идей, отклонению любого мейнстрима эпохи от него нам следовало ждать радикализма Жозефа де Местра. Гефтеру пристало ниспровергать, сыпать парадоксами — и он мастер парадокса, но только в устной речи! Что-то сдерживало его на письме. Личная благопристойность запрещала ранить чувства друзей? Избегая вслух заострять разрывы, русский де Местр укутывал их в орнаментальную вязь. Покинув академическое письмо, он пишет темным языком молодого Гегеля (гражданина даже в Йенском «зверином царстве духа»²³!). В опубликованном Гефтером плотно закрыта его отчаянная альтернативность.

Гефтер говорил о трех своих языках (на мой взгляд, их больше): «Одним языком я говорил и писал до запрета Сектора, потом стал писать иначе, и сейчас — третий язык»²⁴.

Он «измучен своим языком», но крайне им дорожит в условиях российской «катастрофы речевого поведения», перетекшей в политическое позорище. Соглашаясь, я недооценивал глубины его претензий — у меня были свои²⁵. Исцеления речи Гефтер искал в аутентичности интонации. Интонацией он дорожил бесконечно, как условием правды. Самоограничений, которыми он обуздал письмо, Гефтер зато не соблюдал в разговоре. Обожая формулы, найденные на кончике пера, в устной речи он порождал их десятками, не ценя и не запоминая.

²²Более или менее полный список опубликованных работ Гефтера можно найти здесь: <http://gefter.ru/archive/327>. Однако ими совершенно не исчерпываются его архивы и тексты, хранящиеся его учениками. Не все, имеющееся на руках у одного человека, известно другому. В процессе работы над этой книгой Михаил Рожанский напомнил мне о машинописном наброске Гефтера «Анти-Ильенков», сделанном в конце шестидесятых.

²³*Д'Ом Ж.* Гегель : биография / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. — СПб. : Владимир Даль, 2012. С. 194.

²⁴*Павловский Г.* Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

²⁵Мои критерии достойной речи выработались в самиздате или чтением редких в СССР подцензурных политических книг, подобно Ясперсовой «Куда движется ФРГ», статей Батищева, Аверинцева, Арсеньева, Кнабе, Пятигорского, Померанца. Гласность, казалось мне, возобновит свободу речевого поведения, но этого не случилось. Ритуальные топики «демократов» с набором связанных идеологием заняли место высокой русской традиции, какой она сложилась в XIX–XX веках. Выходить из речевой ситуации противостояния, которая породила «дацзыбао реформ», я только начал накануне ареста, в 1980–1981 годах. Впоследствии, впрочем, я исходил из прагматики работы с аудиториями: проблемы упрощать мысль не стало.

«Там, где я пишу, „причинно-следственные близнецы поставили крест на беспредпосылочном будущем“, — там я!»²⁶

Язык Гефтера — версия русской речи из немногих, что справились с финальностью как предметом. Русское мышление применяет финализм как лазейку при уходе от труда, — Гефтер заставил его работать в истории, где царит преступная власть и концлагерь. Он развил герменевтику образов русской финальности прошлого и будущего.

ПУТЕМ ОСЛОЖНЕНИЙ?

Гефтер мешал упрощать вопрос, сняв легкие актуальные пенки. Удерживая в труднейшем месте темы, не позволял политически срезать углы.

Разговоры об интеграции (стран СНГ. — Г. П.) бессмысленны, если нет плюрализма. Что интегрировать? Географические топонимы? Политические вывески? Если нет узаконенной разницы в способах человеческой жизнедеятельности, о какой интеграции идет речь? О сверстанном бюджете? Где все платят одинаковые налоги? Бессмыслица. Интеграция — головоломнейшая задача, которая предварительно предусматривает несовпадения — интегрируются несовпадающие! Учреждаются пропорции несовпадений. Интеграция выстраивается по мере того, как снизу естественным ходом вырастает нечто, что мы называем *страна*. Нам надо не потерять эти главные наши точки. От плюрализма этого можно потом к пространственному плюрализму перейти, понимаешь?²⁷

При очередной встрече с пошлостью Гефтер вкрадчиво уточняет: полагаете, человечество вышло из холодной войны, — и куда именно вышло? Выясняется, что говорящий понятия не имеет о миропорядке холодной войны и ее проникающей антропологии.

Выход из холодной войны не менее опасен, чем сама холодная война. И Россия, которая явным образом проигрывает Азии, не выигрывая на Западе. Россия вроде огромная — и ничья, и ничто. Гигантский мировой открытый вопрос²⁸.

Конец XX века в РФ — время, когда от трудных вопросов шли в простое выживание. Только сегодня стало окончательно ясно, что холодная война в стране-обломке биполярного мира — не та политика, которую легко отменить.

²⁶ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. — Архив автора, 1994.

²⁷ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

²⁸ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. — Архив автора, 1994.

Г. П.: Конец холодной войны наступил не путем победы, а через исчезновение одной из сторон. — М. Г.: Он вообще не наступил! Бицентричный мир — это возобновляемая реальность. Почему Жириновский их так больно поразил²⁹.

Миропорядок холодной войны был режимом сдерживания человеческой деструктивности. Свободный мир на пару с восточным блоком каждый посвоему табуировали позывы человека-убийцы. Коллапс биполярного мира означал для Гефтера, что отныне «убийство высвободилось»³⁰.

«Преторианцы самоновейшей истории — ее убийцы, поскольку пре-вращают „избирательную гибель“ в промысел и театр»³¹.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ЛИДЕР?

Тексты, опубликованные им самим, скрывают его яростную жажду альтернативы. Гасят интонацию Гефтера-паррессиаста, которая в беседе твердо вела к истине. Но он не давал ей выйти в текст. Почему? Мы не знаем, и у меня нет ответа.

Историк по Гефтеру не бывает одним лишь наблюдателем старых дел. История общеизвестна как рассказ или story, но актуальна как космос действий. Историк — интеллектуальный медиум и политик. Точка зрения Гефтера бескомпромиссна: исторический мир открыт вмешательству слабого человеческого существа. Открыт насквозь, на любую глубину. Глубинная альтернативность происходящего, по Гефтеру, в его беспрецедентности. Потеряв ясность, люди отзываются на альтернативу, рвутся к ней — это не значит, что они к ней готовы. В 1978-м он пишет американскому другу-историку Стивену Коэну:

В некой стране, в некоем социуме совместились могущество (реальное!) и груз неразрешенных проблем... Не исключено, что неразрешимы при данных условиях и обстоятельствах. Не исключено, что как раз это более всего другого и делает данную страну (в нынешних условиях) самой потенциально альтернативной. Судьбы Мира оказываются накрепко связанными здесь — и чем? Не просто сочетанием *силы и слабости*, что само по себе опасно... а сочетанием того и другого с альтернативностью, не находящей себя: свою суть и свой статус³².

²⁹ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. — Архив автора, 1994.

³⁰ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет : русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. — М. : Европа, 2015. С. 325.

³¹ Гефтер М. Я. Эхо Холокоста / под ред. Е. Высочина. — М. : Российская библиотека Холокоста, 1995b. С. 236.

³² Из тех и этих лет / под ред. М. Я. Гефтера. — М. : Прогресс, 1991.

В триаде Сила–Слабость–Альтернативность движение идет через выбор, разрешением которого Гефтер 1978 года видел в будущем лидере-реформаторе СССР.

Реформатор, то есть человек, способный не на паллиативы, а на преобразование, объем и характер которых — открытый вопрос. Итак, снова альтернативность, причем с двух сторон. *От альтернативной ереси к альтернативному реформатору*³³

Это не реформизм советского интеллигента. С семидесятых годов Гефтер не видит вариантов реформы Союза в обход радикальной договорной конфедерализации. Россия и СССР должны превратиться в «страну стран» — союз русских и нерусских земель. Гефтер не верит, что его «альтернативный реформатор» выйдет из еретиков-диссидентов, но в них признает эталон альтернативности (именуемый им иногда «добровольной несвободой»). У его идеи «равноразной России» нет шансов быть понятой современниками — даже немногими читателями самиздатовского журнала «Поиски», где в 1979 году напечатано это письмо.

...Семидесятые трагически уютные, катастрофично комфортные, лубянские... Жизнь среди тюремных передач и редких друзей — одни уезжают, других арестовали. Евгений Гнедин, сын скандального Парвуса, эlegantный денди после двадцати лет лагерей, тихо поясняет мне, как переносят пытку (в этом он дока — его пытал лично Лаврентий Берия), а Гефтер жалуется ему на дерзости молодых друзей:

«Мы в безъязычии. Как Сенька Рогинский³⁴. Надо мной издевается! А-а, говорит, — Мир миров, страна стран, улица улиц! Понятно, сколько мне можно талдычить одно и то же»³⁵.

Жизнь среди книг и бумаг, оставшихся после обыска. Незачем дописывать черновики, их не опубликовать все равно. Но беседа с друзьями бесценна, ею не жертвуют в пользу текста, только и перевести в текст невозможно.

Перестройка пробросила мостки в другую эпоху — не для Гефтера. Начало гласности поразило его не публицистикой, а тем, что мозги друзей будто сжались. Все мы судили наспех и торопливо печатались, смягчив мысль в одних случаях, вульгарно заострили в других. Гефтер

³³Из тех и этих лет / под ред. М. Я. Гефтера. — М. : Прогресс, 1991. С. 88–89.

³⁴Арсений Борисович Рогинский (1946–2018) — российский историк, правозащитник, общественный деятель, председатель правления правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

³⁵Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1981, б. м. — Архив автора, 1981.

отверг новейшую манеру, а бунт оплатил жесточайшим инфарктом осени 1987 года³⁶. Но до того он отправил два личных письма Горбачеву — «альтернативному лидеру», которого предрек еще в 1978-м, — и вот как будто дождался.

СЛАБЫЙ ВЕДЕТ СЛАБЫХ?

Первое письмо конца февраля 1986 года написано после саммита с Рейганом в Женеве, накануне XXVII съезда КПСС. Определив генезис СССР как «государства исторической инициативы», Гефтер предостерегает:

«Инициативу... можно и потерять в силу ошибок, отступлений и преступлений, которые тем более необратимы, чем больше масштаб, заданный этой же исходной инициативой»³⁷.

Гефтер напоминает о масштабности миропорядка холодной войны, восходящего к антифашистскому консенсусу победителей 1945 года. Угрозу же связывает именно с потерей *масштаба*.

Сохранением мира с тех пор и до сего дня люди обязаны не только равенству опасностей, пораженных новым оружием, но и зарождению нового взгляда на Мир, — взгляда, отвергающего любой вариант планетарной монополии и исключаящего победу даже самой высокой идеи... через катастрофу, а стало быть, ценой человеческих гибелей. [...] С разных сторон нам следует идти к одной цели (столь же внешней, сколь и внутренней) — сохранению жизни на Земле³⁸.

Второе письмо отправлено в Кремль после Чернобыля, саммита в Рейкьявике — и смерти диссидента Анатолия Марченко в лагере от жестоких голодовок. Гефтер снова приравнивает роль лидера к долгу альтернативности. Говорит, что прорыва в Рейкьявике не было бы без Чернобыля, он требует его во внутренней политике³⁹. И переходит к версии лидера «революции сверху»:

³⁶Триггером болезни стало его же интервью, опубликованное в журнале «Век XX и мир» № 8/87. Я и сейчас считаю его одним из лучших гефтеровских текстов. Но как сказано, Гефтер не признавал себя в записях устной речи.

³⁷Гефтер М. Я. Письмо Михаилу Горбачеву (21 февраля 1986 г.) // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М.: Прогресс, 1991. — С. 272–278: 273.

³⁸Гефтер М. Я. Письмо Михаилу Горбачеву (21 февраля 1986 г.) // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М.: Прогресс, 1991. — С. 272–278: 275.

³⁹Как мы знаем, он произошел — Сахаров был возвращен в Москву, а через несколько месяцев политические заключенные были амнистированы.

Мира без насилия, Мира жизнетворящих различий, Мира, которому еще прийти на смену ядерному, ракетному, изобильному и голодному Миру конца XX века. Вот оно — минное поле: поприще Лидера. [...] Он, само собой, реальный политик. Но реальный в меру того, что знает (и обязан знать!), чего делать нельзя... Он знает (и обязан знать!), что не суверен он сам по себе... но и не слуга кого бы то ни было, включая собственный народ, и тем паче не прислужник его⁴⁰.

Гефтеровская утопия Мира миров совместилась с идеей Лидера и его *Weltpolitik*. Союзник Горбачева Гефтер ищет в генсеке воплощение мировой души, императивно свободной от всех:

Признаем: в нашем отечестве при наших обстоятельствах роль лидера страны достигла... предельной точки. И столь же предельной стала зависимость лидера от себя. От самого себя — в этом суть⁴¹.

«Начните с политической амнистии, с возвращения соотечественников к деятельной жизни»⁴².

Его благородное требование политической амнистии вскоре сбудется. Оно-то и примирит Гефтера с кремлевской «революцией сверху» — известным историком злом.

ПАДШИЕ ИДУТ НА РЕВАНШ?

Уйдя в семидесятые в частную жизнь, Гефтер не «забылся философствованием». Выйдя из марксизма, он и от него не ушел вполне, а приостановился и стал размышлять. На этом месте с Гефтером повстречался я. Марксизм в русском мире — место нашей встречи и ее тема. Многие тогда расставались с марксизмом, важно качество расставания: Гефтер сделал его проблемой. Вчерашние марксисты очень по-разному уходили от Маркса: Трубников, Лен Карпинский, Генрих Батицев, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, группа журнала «Проблемы мира и социализма»... Переосмысление Маркса составило мировой сдвиг семидесятых-восьмидесятых, и *никто в СССР не*

⁴⁰ Гефтер М. Я. Письмо Михаилу Горбачеву (декабрь 1986 г.) // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М. : Прогресс, 1991. — С. 282–292: 286.

⁴¹ Гефтер М. Я. Письмо Михаилу Горбачеву (декабрь 1986 г.) // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М. : Прогресс, 1991. — С. 282–292: 286.

⁴² Гефтер М. Я. Письмо Михаилу Горбачеву (декабрь 1986 г.) // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М. : Прогресс, 1991. — С. 282–292: 290–291.

оставил разбор своего опыта. Гефтер масштабировал свой марксизм. Преодолеет ли наконец горизонт Маркса он сам, его не волновало: в беседах он его проблематизировал⁴³.

Логический роман Маркса, катастрофа его коммунизма и результаты ее, духовный опыт, который мы обрели, важен в поисках альтернативы — чему? Альтернативы жизни ради сохранения жизни. Потому что жизнь ради сохранения жизни производна от истории. Она и есть псевдоальтернатива. И у нее будет тот же конец — ядерный гриб⁴⁴.

В разговорах Гефтер воссоздавал историческую панораму рождения, гибели и возрождения альтернатив — но движение их было сумрачно. Революции отменяли русское рабство, пытки и каторгу, а в следующем такте те возвращались. В этом континууме нет победителя, здесь никто не выиграл вполне. Но если гибель *«русских горелых»* всегда бесповоротна, упущенные ими альтернативы продолжают влиять, смещая нормы и правила. Вероятно, оттого альтернативный мир Гефтера так влек меня внутрь.

Надо знать и как Гефтер обошелся со мной. Рефлексией моего падения в советском суде 1982 года он щедро открыл мне новые горизонты. Вот как он пишет обо мне в 1994-м:

Не знаю, понял ли бы Сергей Трубецкой моего молодого диссидентствующего друга, но преломленная Бутырками судьба последнего помогла мне услышать неотредактированный голос «падшего» князя. Самопризнания людей 14 декабря, их мысли «в железках» сверстались в единый текст с кабалой «поисковского» компромисса (все желанны в ненасильственном споре, в непредписанном выборе)⁴⁵.

Препарируя мое отступничество в деле «Поисков», он пробросил пунктир к шатости декабристов под следствием (и к «Николаевской идее» Пушкина, излеченного ею от слома 1825 года). Гефтер подарил мне другую жизнь, дал силу справиться с унынием в ссылке. Во мне образовался тайный «ванька-встанька» — русская версия трикстера.

Г. П.: Подходит ли в нашем случае слово «выкрутимся»? — М. Г.: А почему? Выкрутимся. Ведь мы с тобой уже начали говорить своим языком. Когда

⁴³Но есть и авторский текст Гефтера «Россия и Маркс», написанный в 1978 году для журнала «Поиски» (опубликован повторно в 1988 г. в журналах «Рабочий класс и современный мир» (№ 4. С. 152–170) и «Коммунист» (№ 18. С. 93–104).

⁴⁴Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. // Архив автора.

⁴⁵*Гефтер М. Я.* Мир миров : российский зачин // Иное : хрестоматия нового российского самосознания / под ред. С. Б. Чернышевой. — М. : Аргус, 1995а. С. 61.

на одном полюсе капитуляция, на другом убийство, то, в конце концов, выкрутимся⁴⁶.

Мы годами спорили о русской идее поступка. Мой эталон был в опыте диссидентства, где акция есть явочное, суверенное предъявление силы слабым. Идентичности не бывает вне действий, на компромиссы я шел легко, но лишь ради действия. Язык действия я перенял у Гефтера, однако в средствах историк был осторожен, не поощряя молодежный экстремизм. Я же думал, что «старик тормозит». Теперь, стоя сам перед загадкой начала, я догадываюсь, как она парализовала Гефтера. Он убеждал современников, заверял, звал... Но выступить первым, не дожидаясь других, ему теперь казалось нечестным.

Проблема, смешно сказать, психиатрическая — в раздвоении. Один человек во мне хочет и тянется к тому, чтобы участвовать, когда необходимо, помогать вам что-то делать. Чтобы эту пошлость нынешнюю как-то обойти. А другой человек наблюдает со стороны... Этот второй человек мне мешает, но совсем не берет верх⁴⁷.

Сегодня мы смирились с тем, что история представлена хаосом, опережающим наши страховки. Гефтер исходил из шансов человека действовать исторически актуально. Его *Homo historicus* — существо, творящее историю и опустошаемое ею. Но и противящееся истории структурами повседневности и культурой — двумя мирами, сдерживающими историческую событийность. Человек имеет божественное право отвечать на вызов истории. Преступив черту данного, он вторгается в ход вещей. Однако при конце истории «мыслить результатами более нельзя. Тогда начинаешь мыслить альтернативами. Не упущенными возможностями, а творимыми невозможностями»⁴⁸.

СОБЛАЗНЕННЫЕ «РУССКИМ ПРОЕКТОМ»?

В моем поколении-1968 «творить невозможное» принималось общепринятую норму. Императив «можешь — значит должен» я понимал в духе 11-го тезиса Маркса, как повеление действовать безотлагательно⁴⁹. Но вставал вопрос об основаниях действия и его шансах.

⁴⁶ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 27.10.1994. — Архив автора, 1994.

⁴⁷ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

⁴⁸ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. — Архив автора, 1994.

⁴⁹ Джордж Сорос как-то публично упрекнул меня в том, что (работая в 1989–1992 годах директором программы «Гражданское общество») я изучил технологии его фонда и «передал Путину». В конспирологичной гипотезе есть зернышко смысла: хакерский

Нам не избежать отыскания некоей альтернативы нынешнему состоянию. Нам надо заново обрести какую-то точку отсчета для собственного будущего. Любые прецеденты, как бы они ни были для нас существенны (практически, духовно), не исчерпывают нашей ситуации, в которой очень много самого существенного является уникальным. Я думаю, что [...] в поисках альтернативы логикой этих поисков человеческое сознание освободится от обезчеловечивающих чувств и голой ненависти⁵⁰.

Императив действия — соблазн для слабых. Он разрешал делать вещи, которых иначе себе не позволил бы. Двадцать лет нашей дружбы прошли в том, что Гефтер говорит и пишет, а я лишь слушаю и помогаю. Но с начала девяностых мой акционизм перешел в требование противостоять бессилию и упадку. Я требовал прагматизировать Гефтеров концепт альтернативы — безотлагательно! И вот весной 1993 года Михаил Яковлевич изложил нечто, ставшее мне первой зарубкой ПРОЕКТА. Было так: я посетовал на выжидательность нас — ватутинских дачников, как вдруг Гефтер оборвал — зачем ждать?

Давай исходить из того, что трупы умерших от голода не будут тысячами лежать на улицах. Но тем не менее завтрашний день закрыт. [...] То общее, что объединяет всех: от ультрадемократов до крайних правых — они все люди вчерашнего дня. Представь, что параллельно действующим системам... автономно и с прицелом на завтрашний день возникает некая большая коалиция. Общее согласие XXI века (согласие по институционально выражаемым интересам). ...Идея такой коалиции объединена выработкой солидарного, принципиально согласуемого взгляда на XXI век. [...] Я бы назвал ее альтернативной позицией. Даже не «оппозицией» ... но *альтернативным движением, которое, ведя отсчет от XXI века, вносит вызволяющий момент в хаос.* [...] Конечно, желательна большая коалиция евразийского масштаба, но пока это вещь трудноисполнимая. Поначалу попробовать бы в российских размерах. *Войти в самый эпицентр отчаяния и хаоса нынешнего с тем, чтобы опередить его своим движением*⁵¹.

Гефтер очертил пространство вероятной альтернативы — а я услышал долгожданный призыв действовать на опережение. Но разве историк подстрекал меня к электоральной спецоперации? Да и не верил он, что уловки разблокируют мировой кризис. Гефтер делал ставку на долгий

стиль Джорджа питал нестерпимый соблазн шагнуть от философии к масштабному действию, опрокинув правила игры. В девяностые все мы были хакерами.

⁵⁰ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. — Архив автора, 1992.

⁵¹ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 23.03.1993. — Архив автора, 1993.

марш — приуготовление готовности русских умов к альтернативности, к диалогу на этой основе... Он меня притормаживал:

Нужна систематичная работа в малой среде. Никто не знает, когда, как и где она ляжет на чашу весов... Открывать задним числом преданные имена, умолкнувшие голоса, отклоненные мысли... Дать им ход в речь и в политику. Дать время, чтобы процесс возобновился. Ускорить его могут либо совсем плохие дела, либо подход неизвестных пока свежих сил. То и другое не исключено. Но как иначе, Глеб? Попытаться вдруг сразу повлиять на миллионы людей? Можно, конечно, пытаться. Но эти говорухины тебя все равно обскачат⁵².

Михаил Гефтер был прав дважды — «говорухины» меня обскакали, а дела плохие совсем.

ИЗ РАЗВАЛИН — КУДА?

Я отличаю предальтернативу 1992–1995 от своих тогдашних блужданий и не намерен смешать свои взгляды с Гефтеровыми более, чем те перемешались.

В чем его альтернатива холодной войне? В общих чертах она такова. Холодная война началась с задачи *остановки* сталинского Союза как машины мировой революции, которая не останавливается и не может себя остановить. Октябрь 1917-го в руках Сталина превратился в *противоальтернативную* мощь «неостановленной революции». (И в боине 1993 года Гефтер усматривает «кровавую отрывку неостановленной революции».) Неостановленная, та не революция уже, а оборотень — подвижные фрагменты ее мертвых тел, структуры «сталиноподобия».

«Антикоммунистический коммунизм» Сталина — противоальтернатива и чистая негативность революции — не мог хорошо кончить. Хрущевское поколение пыталось вернуть ему жизнь, пробовал левый Запад. Но ничто уже не могло его оживить. Конец СССР стал концом коммунизма.

Первый же бесповоротный шаг к выходу из холодной войны мог означать сокрушение. И по закону маятника затоптанная мировая альтернатива не могла остановиться у столбов границы СССР — она вернулась внутрь Союза. Попытки удержать советское пространство, вводя в сферу влияния все новые территории Мира (поддержка левых режимов, африканских и азиатских псевдосоциализмов), — это уже крайности деграданса. Процесс с ускоренной

⁵² Павловский Г. 1993 : элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. — М. : Европа, 2014. С. 262.

мощью пошел в обратном направлении и, споткнувшись в Афганистане, обрушился внутрь⁵³.

Планета переживает опасную встряску. Истинная «геополитическая катастрофа» 1991-го конечно не распад СССР, а крах мироустройства холодной войны. Но кризис не разрешился. Человек холодной войны не сошел со сцены ни на Западе, ни на Востоке. Конец коммунизма переходит в кризис самого *Homo historicus*: вызов роду людей, причем неопознанный вызов.

В послевоенной истории образовалась такая воронка, что мы все еще из нее не вышли. А поверх надвинулась холодная война, где люди живут под знаком способности уничтожить себя средствами, которые заведомо не будут приведены в действие! ⁵⁴.

Ситуация, которой, вообще говоря, человек долго выдерживать не способен. И какой же запас прочности в *Homo*, если он теперь из нее выкарабкивается! Начался переход в принципиально другое существование. Но по старой технике истории, по прежнему способу согласования ею разных рядов, — ей трудно их согласовать⁵⁵.

Гефтер видел в происходящем «катастрофу Цели», но открывшую для русских путь к чему-то большему, чем прежде. Он звал прекратить оплакивать Союз и войти в будущее вдумчиво и осторожно. Русская история накопила небывалый опыт: Россия стала полигоном проекта единого человечества. Страна в руинах закончившегося родового эксперимента *Homo sapiens* — из руин надо выйти. Внутри оставаться опасно.

«Не в развалинах, а из развалин!» — звал Гефтер евангельским парафразом. Теперь это выглядит странно: вслед святому Франциску, историк проповедует птицам? Оглушей стране Гефтер проповедовал ее мировые возможности: как это, что нам делать? Строить договорную Россию, «дом Евразии»! Россию как «страну стран»: республиканскую конфедерацию в Мире миров. Он не нашел общего языка с людьми новой России. Тем обидней, что с начала девяностых Гефтер стал мейн-стримной фигурой — он выходил в телеэфир, его охотно публиковали. Не понявшие его темных текстов шли с расспросами — и он отвечал неизменно дружелюбно, но всегда не так, как ждали. Ему не возражали, его просто не слушали.

⁵³ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

⁵⁴ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1992, б. м. — Архив автора, 1992.

⁵⁵ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1993, б. м. — Архив автора, 1993.

«Кому мне все это рассказывать? Давления своего масштабного опыта в России не ощущают»⁵⁶.

Так вышло, что при конце его жизни благодарной аудиторией остался я. Три года диалогов в Ватутинках шла «метисация»: я синтезировал идеи Гефтера, отбирал их и при этом переиначивал.

В НАЧАЛЕ — ВОПРОС ИЛИ ОШИБКА?

Говорить о методе Гефтера сложнее, чем о его языке. Метод речи или метод письма? Или метод речи, метод письма и метод исследования, собственно? Вопрос так поставить можно, но это не гефтеровская постановка вопроса. Его мысль устанавливает первенство вопроса: Гефтер идет к истине, движимый «вопросами без ответа».

«И тут и там не ответы, а лишь всегда вопросы. Вопросы, несводимые воедино»⁵⁷.

Приоритет вопрошания запрещает свести мысли в теорию ли, в школу — вопросы бунтуют! Гефтерово вопрошание дает силу сопротивляться мейнстриму. Но для меня неприемлемой была мысль, что вопросом все и окончится: вопрос переходит в действие, а действие — однозначно! Гефтер выставлял действию ряд жесточайших табу, не отделяя табу для мысли от табу для поступков. Он ставит табу превыше морали — и мы опять расходимся: для трикстера табу неважны. Объявление чего-либо в политике табуированным лишь подстрекает импровизировать. Но и к импровизациям отношение Гефтера двойственно.

Всегда налицо та или иная возможность? Нет, вся история учит: не всегда! Так может человек исторический, собравшись с духом и силами, преодолет былую свою склонность к импровизации, от которой многие триумфы, но и все беды? Вероятнее всего, не преодолет! Да и если смог, остался ль бы человеком?⁵⁸

Гефтер началу действий предпосылает табу — а я думал, что для начала вполне допустима ошибка! Застряв, сдвинуться с места можно фантазмом, визионерской акцией — толстовской «энергией ошибки». Легкомысленно отнесясь к дилемме Начала, я не ставил ограничений действию — ведь будущее альтернативы все равно не в моих руках. Я знал

⁵⁶ Павловский Г. Запись разговора с М. Гефтером, 1994, б. м. — Архив автора, 1994.

⁵⁷ Гефтер М. Я. Россия : диалоги вопросов. — М. : Утопос, 2000. С. 7.

⁵⁸ Гефтер М. Я. «Все мы заложники мира предкагастроф» : письмо Стивену Коэну // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М. : Прогресс, 1991. — С. 85–91.

свою ближайшую цель: сначала вернем страну! Гефтер знал об этой моей ошибке, но рассчитывал меня сдержать.

Pavlovskiy, G. O. 2020. "Al'ternativy i protivoal'ternativy v deystvii i v istorii [Alternatives and Counter-Alternatives in Action and in History]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* IV (2), 30-53.

GLEB PAVLOVSKIY
DIRECTOR OF THE "RUSSIAN INSTITUTE", MOSCOW

ALTERNATIVES AND COUNTER-ALTERNATIVES
IN ACTION AND IN HISTORY

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-13-162.